

Спутник и Погром - Октябрь 93-го. Переворот
nopaywall

<https://t.me/nopaywall>

[Евгений Политдруг](#)

События, произошедшие в эти октябрьские дни ровно 23 года назад, навсегда изменили облик России. Вот уже два с лишним десятилетия мы живем (и неизвестно сколько ещё будем жить) в реальности, созданной разгоном Верховного Совета 3–4 октября 1993 года. Как это ни пафосно звучит, тогда определялась судьба будущей российской демократии.

Конечно, в Верховном Совете заседали те еще демократы, но они, во-первых, мало чем отличались от своих противников (как метко замечал Жириновский, это была борьба между розовыми красными и красными красными), а во-вторых, суперпрезидентская конституция и практически полное отсутствие каких-либо сдержек и противовесов для президента — это следствие именно силового разгона парламента. Конфликт между двумя ветвями власти, которые появились в ходе ельцинской борьбы с Горбачевым, зашел в такой тупик, что любое силовое решение любой из сторон автоматически становилось государственным переворотом. Конфликт назревал достаточно долго, и еще дольше просуществовал в формате холодной войны между парламентом и президентом, пока не разрешился битвой на улицах Москвы, в которой погибло по минимальным подсчетам около полутора сотен человек. Сложная и запутанная история — хотя почти все слышали об октябрьских событиях в Москве, мало кто имеет полную картину этих событий. Попробуем её восстановить.

Прежде всего надо уточнить, что огромную роль здесь сыграла борьба между Ельциным и Горбачевым. Относительно стабильно работавшую советскую систему в конце 80-х активно меняли всевозможными точечными поправками, и этот процесс то и дело давал взаимоисключающие результаты. Например, две равносильных власти, каждая из которых считала себя главной.

До конца 80-х высшим органом власти в стране, с формальной точки зрения, был Верховный Совет и его президиум. Однако в рамках ельцинско-горбачевской борьбы в конституцию внесли массу изменений, и в результате в 1989 году возник новый

высший орган — Съезд народных депутатов. Верховный Совет сохранился, но стал лишь органом съезда.

В 1990 году состоялись выборы народных депутатов, которые считаются первыми за всю советскую историю полусвободными выборами. Нардепами тогда стали многие будущие видные политики: Борис Ельцин, Борис Немцов, Сергей Степашин, Кирсан Илюмжинов и другие звёзды. Собственно, это и был тот самый ельцинский парламент, которым Борис Николаевич таранил Горбачева. Именно съезд принял декларацию о суверенитете РСФСР, а потом избрал председателем Верховного Совета Ельцина. Спустя 3 года первый президент РФ расстрелял парламент, который его благословил, поддержал и помог. Это была не какая-то инородная структура, а тот орган власти, который Ельцин еще совсем недавно возглавлял лично.

В 1991 году специально под Ельцина учредили параллельный пост президента РСФСР, и Борис Николаевич уступил свое место председателя Верховного Совета Руслану Хасбулатову. Товарищи впопыхах не разобрались, что натворили. Поскольку все были в горячке, а Ельцин в основном хотел свалить Горбачева, то никто не подумал о юридически зафиксированном двоевластии. Не о разделении ветвей власти, а именно двоевластии, поскольку Съезд народных депутатов по конституции был высшим органом власти, а президент считал себя главным в республике.

Пока обе стороны находились в согласии, проблем не возникало — тем более что в парламенте у Ельцина была достаточно сильная группа поддержки из демократических депутатов. Проблемы начались уже через год, после начала свободного плавания суверенной России. К 1992 году новое правительство Гайдара преподнесло трудящимся замечательный подарок — отпустило цены. Молодые реформаторы оправдывались якобы полным развалом советской системы распределения. Они лукавили: товары лежали на складах, никто не голодал, просто в магазинах было пусто. Почему? На этот счет существуют различные мнения.

Например, есть версия, что продукты придержали до будущей либерализации, которая должна была повысить их стоимость в несколько раз. Речь, разумеется, о продуктах длительного хранения. Мнение достаточно любопытное, если учесть, что о грядущей реформе открыто говорили еще осенью 1991 года.

Отпуск цен в 1992 году вынудил россиян искать дополнительные источники заработка. Пышным цветом расцвела мелкая торговля

Либерализация цен обрушила всю имевшуюся денежную систему, все накопления граждан обесценились за одну ночь. «Волга», лежавшая в сберкассе, превратилась в килограмм дешевой колбасы. Разумеется, тотальное обнищание не вызвало у трудящихся никакого восторга. Поначалу Ельцину еще верили и терпели, но к концу года ситуация ничуть не улучшилась, и люди начали роптать. Настроения потенциальных избирателей подхватил парламент, у которого в конце 1992 года произошел первый серьезный конфликт с президентом.

Ельцин попытался продвинуть бывшего министра финансов Гайдара, уже овеянного сомнительной славой, в премьер-министры (на тот момент Гайдар был лишь исполняющим обязанности председателя правительства). Однако Верховный Совет заупрямился и кандидатуру Гайдара отклонил. Ельцин рассвирепел и в знак протеста призвал своих демократических сторонников в парламенте покинуть заседание. Позднее стороны все же пришли к согласию: новым премьер-министром стал Виктор Черномырдин, а Верховный Совет дал согласие на всероссийский референдум по положениям новой Конституции. Референдум назначили на 11 апреля 1993 года. Проект новой конституции должен был разрабатывать Верховный Совет.

Но парламент становился все более антиельцинским. К изначально оппозиционным левым фракциям стали примыкать те депутаты, которые ранее придерживались центристских убеждений и старались оставаться в стороне от всех течений.

За несколько месяцев в Верховном Совете фактически сложилось антиельцинское большинство. Кроме того, как влиятельная сила оформилась КПРФ, которая из-за ельцинского запрета компартии до сих пор действовала полулегально. Любопытно, что

главой КПРФ должен был стать Валентин Купцов, первый секретарь ЦК партии после запрета КПСС. Однако Макашов, на тот момент имевший некоторое влияние, выступил против Купцова — обозвал его ельцинистом, оппортунистом и сторонником Горбачева и настоял на кандидатуре Зюганова.

Когда открылся новый съезд, парламент был уже левым. В марте 1993 года Ельцин на внеочередном съезде попросил внести некоторые поправки в ранее достигнутые соглашения, но получил отказ. Тогда президент заявил, что парламент сам виноват в конфронтации. Борис Николаевич сообщил, что исчерпал все меры для урегулирования ситуации, и добавил, что депутаты сталкивают страну в хаос безвластия.

Через неделю Ельцин в обращении к нации объявил о введении особого порядка управления страной — де-факто он выдал себе чрезвычайные полномочия на весь переходный период до референдума. Фактически это был переворот — и президент это понимал, потому что в конце концов не рискнул атаковать. Анонсированный указ так и не был подписан. Вероятно, Бориса Николаевича спугнула реакция Конституционного суда — судьи выступили с разъяснением, заявив, что указ о введении особого порядка является антиконституционным.

В ответ на ельцинскую атаку Верховный Совет предпринял попытку импичмента. Многие помнят, как в конце 90-х импичмент Ельцину пыталась объявить Государственная дума, но до этого такую же попытку предпринимал Верховный Совет — благо, тогда это было проще. Парламентарии были очень близки к своей цели, им не хватило всего нескольких голосов: за отставку Ельцина проголосовало 617 депутатов, а требовалось 689. Ельцин спасся: он сам или его советники вовремя одумались и включили обратный ход, дезавуировав заявления об особых полномочиях.

Впрочем, не стоит думать, что все было так просто. На случай поражения президент уже подготовил силовой вариант решения конфликта. В случае импичмента депутатов собирались просто разогнать, и Борис Николаевич даже заручился поддержкой высокопоставленных силовиков. Руководить операцией должен был Михаил Барсуков — человек Ельцина, комендант Кремля, руководитель Главного управления охраны и будущий директор ФСБ. Во всяком случае, об этом в своих мемуарах писал весьма осведомленный Анатолий Коржаков:

«Суть его сводилась к выдворению депутатов сначала из зала заседаний, а затем уже из Кремля. Если бы депутаты после оглашения текста отказались выполнить волю президента, им бы тут же отключили свет, воду, тепло, канализацию... Словом, всё то, что только можно отключить. На случай сидячих забастовок в темноте и холоде было предусмотрено „выкуривание“ народных избранников из помещения.

Михаил Барсуков. Поставлен Ельциным руководить силовым разгоном депутатов Госдумы, если те объявят президенту импичмент

На балконах решили расставить канистры с хлорпикрином — химическим веществом раздражающего действия. Это средство обычно применяют для проверки противогазов в камере окуривания. Окажись в противогазе хоть малюсенькая дырочка, испытатель выскакивает из помещения быстрее, чем пробка из бутылки с шампанским. Офицеры, занявшие места на балконах, готовы были по команде разлить раздражающее вещество, и, естественно, ни один избранник ни о какой забастовке уже бы не помышлял.

Президенту „процедура окуривания“ после возможной процедуры импичмента показалась вдвойне привлекательной: способ гарантировал стопроцентную надёжность, ведь противогозов у парламентариев не было. Каждый офицер, принимавший участие в операции, знал заранее, с какого места и какого депутата он возьмёт под руки и вынесет из зала. На улице их поджидали бы комфортабельные автобусы».

В общем, Ельцин не собирался сдаваться. После того как импичмент президенту провалился, исход противостояния мог решить референдум, назначенный на 25 апреля. Этот референдум получил название «Да-Да-Нет-Да» — именно так советовал голосовать телевизор. Ельцин и его сторонники на тот момент контролировали телевидение на 100%, разве что только «600 секунд» Невзорова симпатизировали Верховному Совету. На стороне парламента осталась небольшая часть прессы — громче всех выступала прохановская газета «День». Михаил Полторанин, в то время курировавший СМИ, позже вспоминал:

«Мы собирали руководителей центральных телеканалов и главных редакторов крупнейших газет и проговаривали: победа Верховного Совета на референдуме недопустима, люди там сидят агрессивные, экстремисты. Надо сделать так, чтобы победила команда президента».

Кроме того, значительная часть СМИ просто финансировалась из бюджета. Капитализм тогда еще не наступил, зарабатывать толком не научились, так что у прессы не было особенного выбора.

Была проведена массированная бомбардировка сознания слоганом «Да-Да-Нет-Да». Зрителям толком не разъясняли, что к чему, просто сотни раз в день на разные голоса повторяли нехитрую формулу. Дело происходило в эпоху до интернета и альтернативных источников информации, люди в основном смотрели два канала, и задолго до референдума выучили, как надо голосовать.

Агитационный ролик перед референдумом 25 апреля 1993 года

Разумеется, это была нечестная игра, но и сам референдум был не совсем честен. Вместо того, чтобы четко поставить один-два вопроса (кого вы поддерживаете — президента или Верховный Совет?), организаторы придумали четыре весьма расплывчатых позиции. Первые два пункта по сути были исключительно личной оценкой Ельцина и его политики, зато вторые два («нужны ли перевыборы президента

и парламента?») могли иметь конституционные последствия, но только если по ним набиралось конституционное большинство, а не простое большинство голосов — сделать это было очень трудно.

В день референдума граждане пришли и проголосовали так, как их просили в рекламе, но для роспуска Верховного Совета голосов все равно не хватило. Финальный результат — «Да-Да-Нет-Нет». В поддержку Ельцина высказались 58,7% пришедших на референдум, в поддержку его политики — 53%. Путем ловких подтасовок Борису Николаевичу удалось обернуть ничейный референдум в свою пользу, и его сторонники до сих пор трясут этими пыльными бумажками. Вообще, если уж на то пошло, третьим и четвертым пунктом надо было спрашивать про отношение к парламенту и его политике — по крайней мере стало бы ясно, сколько у кого сторонников. Но такое голосование могло дать неприятные Ельцину цифры, поэтому организаторы референдума не рискнули.

Через неделю после голосования начались первые уличные столкновения. Красные решили отметить 1 мая 1993 года демонстрацией, однако дорогу на привычном маршруте им неожиданно преградил ОМОН. Атмосфера мгновенно накалилась, и демонстранты попытались прорваться через заграждения. Начался настоящий уличный бой. Точное число пострадавших до сих пор неизвестно, но речь идет о сотнях людей. У милиции погиб один человек, его раздавили в толчее. Демонстранты позднее заявляли об умершем на следующий день ветеране, но официально это не подтверждалось. В том шествии принимали участие многие известные позднее политики: Алкснис, Бабурин, Анпилов, Илья Константинов. Считается, что вдохновителем побоища был мэр Москвы Юрий Лужков, в те дни выступавший на стороне Ельцина. Именно Лужков придумал перегородить дорогу демонстрантам.

Столкновения демонстрантов с полицией 1 мая 1993 года

Вскоре после этих событий Ельцин объявил о созыве Конституционного Сопещения, которое должно было разработать новый главный документ страны. Над конституцией работали «уважаемые люди» под руководством трех человек: Собчака, Алексеева и Шахрая.

Сергей Алексеев — уральский юрист, ранее входивший в ельцинскую Межрегиональную депутатскую группу в парламенте. Собчака нет смысла представлять, а Шахрай был ельцинским вице-премьером.

Верховный Совет тоже занимался созданием конституции, и в итоге к началу обострения кризиса обе стороны имели свой проект (парламент — проект конституционной комиссии, президент — конституционного сопещения). Проект Верховного Совета давал больше полномочий парламенту:

«— ВС вносит изменения в Конституцию РФ; принимает федеральные законы;

- принимает решения по основным направлениям внутренней и внешней политики РФ
- назначает референдум РФ;
- объявляет, продлевает и отменяет чрезвычайное, военное положение; объявляет общую или частичную мобилизацию; решает вопросы войны и мира».

В президентском проекте у парламента практически не осталось возможности для самостоятельных инициатив — его роль сводилась к радостному одобрению. Кроме того, по президентскому проекту было практически невозможно добиться отставки президента. Вариант Верховного Совета предусматривал такую процедуру:

«Президент РФ может быть отрешен от должности в случае умышленного грубого нарушения им Конституции РФ или умышленного совершения тяжкого преступления. Производство по делу об отрешении Президента РФ от должности возбуждается любой из палат Верховного Совета РФ большинством голосов избранных в нее депутатов РФ по предложению не менее одной трети ее численного состава, установленного статьей 86 Конституции РФ. Если Конституционный Суд РФ установит наличие оснований для отрешения, то другая палата Верховного Совета РФ может отрешить Президента РФ от должности большинством не менее двух третей ее численного состава».

Президентский вариант усложнял отрешение от должности:

«Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной думой обвинения Президента в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденного заключением Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения и заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента признаков преступления».

Во-первых, из президентского проекта исчез импичмент за грубые нарушения конституции. Во-вторых, отрешать мог только контролируемый президентом же Совет Федерации, в третьих, надо было добиться согласия одновременно Конституционного и Верховного суда.

В парламентском проекте у Верховного Совета было значительно больше возможностей по влиянию на премьер-министра:

«Верховный Совет РФ может поставить вопрос об отставке Председателя, заместителя Председателя, члена Правительства РФ, назначенного Президентом РФ руководителя иного федерального органа исполнительной власти. Если Президент РФ не увольняет соответствующее должностное лицо в отставку, он обязан обосновать свое решение перед Верховным Советом РФ. Признание большинством голосов избранных депутатов в каждой его палате обоснования Президента РФ неудовлетворительным влечет увольнение Президентом РФ указанного должностного лица в отставку».

В ельцинском варианте президент мог распустить Думу, если она слишком активно с ним не соглашалась:

«Государственная Дума может выразить недоверие Правительству Российской Федерации. Президент Российской Федерации вправе объявить об отставке Правительства Российской Федерации либо не согласиться с решением Государственной Думы. В случае если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству Российской Федерации, Президент Российской Федерации объявляет об отставке Правительства либо распускает Государственную Думу».

Вполне очевидно, что в будущей конституции каждая из сторон пыталась перетянуть одеяло на себя. По мысли Ельцина, парламент должен был иметь минимум полномочий и выступать исключительно в роли законодательного органа. В Верховном Совете полагали, что парламент должен иметь не меньше (а то и больше) полномочий, чем президент.

Выступая на открытии Конституционного совещания, Ельцин прямо сказал, что старая система его не удовлетворяет. Невероятно, но он апеллировал к прошлому, заявив, что Советы разогнали Учредительное собрание 70 с лишним лет назад, поэтому их тоже надо разогнать:

«Прикрываясь введенными в России демократическими институтами — президентской властью, конституционным контролем, нормами разделения властей, — сейчас представительная власть старается создать о себе впечатление как о полноценной части демократической системы (...) Но, во-первых, Советы разогнали в 1918 году Учредительное собрание, а оно было сформировано в ходе демократических выборов. Нынешние представительные органы избирались на основе советского избирательного закона, а значит, они остаются продолжателями захваченной силой власти. В демократической системе они не легитимны».

Президентская комиссия экстренно готовила конституцию все лето, и в противостоянии наметилось затишье. Верховный Совет тоже не подавал признаков активности. Зажигал только Руцкой. Этот человек резко возвысился на излете перестройки, как и большинство Верховного Совета. Он изначально был на стороне Ельцина и поддерживал его в борьбе с Горбачевым. На выборах президента РСФСР Руцкой шел с Ельциным в связке и выдвигался как вице-президент. Считается, что Ельцин выбрал его кандидатуру, чтобы еще сильнее расколоть коммунистов, поскольку сам Руцкой был умеренно красным и состоял во фракции «Коммунисты за демократию» — либеральная общественность любила его за это высмеивать.

Ельцин (крайний слева) и Руцкой (второй справа) во время августовского путча 1991 года

Примерно с 1992 года отношения Ельцина и Руцкого стали портиться. В итоге Борис Николаевич отрядил бывшего соратника в комиссию по борьбе с коррупцией, что Руцкой решил использовать в своих интересах, начав собирать компромат на ближайшее окружение Ельцина и его ставленников. В апреле 1993 года Руцкой заявил, что собрал 11 чемоданов компромата на ельцинских чиновников и пообещал передать все это

в Генеральную прокуратуру. Выражение «чемоданы компромата» превратилось в устойчивый мем той эпохи.

Ельцин в ответ отстранил Руцкого от всех поручений и тот окончательно переметнулся на сторону Верховного Совета. Летом 1993 года Руцкой едва ли не ежедневно выступал в прессе с громкими заявлениями. Его усилиями Верховный Совет лишил неприкосновенности Владимира Шумейко — вице-преьера и одного из ближайших сторонников Ельцина, которого Руцкой обвинил в распилах и хищениях при строительстве завода детского питания.

К середине 1993 года Руцкой стал одним из двух лидеров оппозиции наряду с Хасбулатовым, а по своей популярности — первым. Ельцина, разумеется, это не устраивало, но он вынужден был ждать — конституцию еще не доделали, и атаковать было рано.

Наконец, в сентябре 1993 года Борис Николаевич перешел в наступление. Руцкого он отстранил от должности своим указом, обвинив того в коррупции. Одновременно отстранили Шумейко, но больше для видимости — в действительности он сохранил свои позиции, а сразу после октябрьских событий стал министром печати и информации (и немедленно запретил все издания, поддерживавшие ВС).

Парламент в ответ обратился в Конституционный суд, требуя выяснить, не нарушил ли Ельцин этим отстранением действующего законодательства, а на время рассмотрения обращения в суде указ Ельцина объявлялся недействительным.

После этого Ельцин собирает свою команду, от министров до силовиков, и обсуждает с ними разгон парламента. Он получает от команды заверения в лояльности и согласии с предложенным планом действий. Первоначально ВС хотели распустить 18 сентября, в выходной день. Однако согласовать взаимодействие между силовиками не успели, и в итоге обнародование указа перенесли на несколько дней. Кроме того, в США заранее отправился министр иностранных дел Козырев — он должен был заручиться поддержкой Вашингтона в этом щекотливом деле. Разумеется, американцы не отказали и одобрили действия Ельцина.

Наконец, 21 сентября Ельцин наносит самый мощный удар, доведя ситуацию относительно мирного противостояния до последней черты, за которой никакие дискуссии и компромиссы уже не были возможны. В этот день вышел президентский указ №1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации».

Он гласил:

«Открытая и повседневно осуществляемая в Верховном Совете обструкция политике всенародно избранного Президента Российской Федерации (...) со всей очевидностью свидетельствует о том, что большинство в Верховном Совете Российской Федерации и часть его руководства

открыто пошли на прямое попрание воли российского народа, выраженной на референдуме 25 апреля 1993 года.

Ельцин зачитывает текст знаменитого указа №1400

Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу;
учитывая неудовлетворяющее парламентским стандартам качество работы Верховного Совета и Съезда народных депутатов Российской Федерации;
принимая во внимание, что безопасность России и ее народов — более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти; постановляю:
Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации».

Разумеется, это был государственный переворот. Одна ветвь государственной власти разгоняла другую, причем в нарушение действовавшей тогда конституции. Белому дому сразу же после опубликования указа перекрывали все каналы доступа в эфир, телефонная связь отключалась, столичная милиция переводилась на усиленный вариант несения службы.

Верховный Совет откликнулся на выход ельцинского указа своим постановлением, отрешающим Ельцина от должности. Исполняющим обязанности президента Верховный Совет назначил Руцкого. Кроме того, на следующий день была запланирована чрезвычайная сессия парламента. Вечером того же дня у здания Верховного Совета стали собираться сочувствующие. Началась организация обороны здания, которую возглавил генерал Ачалов. Появились первые баррикады. Периметр оцепила вооруженная милиция.

Почти в полночь началось экстренное заседание Конституционного суда под руководством Зорькина (между прочим, при Путине он снова возглавил КС). Президентский указ о роспуске Верховного Совета был признан антиконституционным. Раскол произошел и в Москве. На экстренном заседании Моссовета приняли постановление о том, что президентский указ о роспуске является антиконституционным, однако мэр Лужков открыто заявил о поддержке Ельцина. Тем временем и. о. президента по версии ВС Александр Руцкой начал формировать свое правительство. Главная проблема ВС была в том, что люди Ельцина надежно контролировали ТВ и прорваться в телеэфир депутаты не могли. На следующий день Черномырдин провел срочное совещание с губернаторами и главами регионов, требуя беспрекословно поддержать президента. Верховному Совету отключили уже не только междугородную связь, но и вообще все телефоны. Парламент оказался в блокаде. Тем временем Руцкой пытался перетянуть на свою сторону армию, но в условиях блокады это была нетривиальная задача. В Белом доме имелось кое-какое оружие — охране здания по штату полагалось 260 автоматов и полторы тысячи пистолетов. Но это было всё. К зданию стали подтягиваться баркашовцы — сторонники РНЕ. Штурмовики стали главным пугалом либерально-демократической общественности, но на деле привели к парламенту всего полторы сотни человек. Зато баркашовцы шокировали либеральных людей с хорошими генами — те на некоторое время сами поверили собственной пропаганде, решив, что у Белого дома происходит битва добра и демократии с красно-коричневой гидрой.

Баркашовцы у здания Белого дома

Кроме того, у Верховного Совета не было своих журналистов, которые могли бы поработать с имиджем парламента и разъяснить, что к чему. Все журналисты работали на Ельцина и терпеливо объясняли тем, кто ничего не понимал (а к этой категории

относились 99,9% населения России), что происходит красно-коричневый реакционный путч против демократического президента, и если парламент не расстрелять, начнутся репрессии, гражданская война и прочие ужасы.

23 сентября на заседание Верховного Совета пришел генеральный прокурор Степанков, который согласился с тем, что указ Ельцина нарушает конституцию, но призвал обе стороны разрешить конфликт без кровопролития, политическим путем.

На тот момент ВС вовсе не был красно-коричневым. В лагере противников Ельцина оказалось немало депутатов центристских взглядов. Тогда президент сделал отличный ход: он выпустил указ о социальных гарантиях для народных депутатов. Закон гарантировал депутатам единовременную выплату годового оклада, жилье в Москве, трудоустройство и защиту от уголовного преследования. Депутаты оценили жест — к тому же становилось понятно, что ВС по закону может и прав, да только все силовики подчиняются Ельцину. Парламентарии начали перебегать на противоположную сторону. С лидерами, возглавлявшими различные парламентские комитеты, Ельцин встречался лично, обещая им хлебные должности. Самыми знаменитыми беглецами из Белого дома стали Александр Починок, Рамазан Абдулатипов и Сергей Степашин — им потом достанутся посты заместителей министров в ельцинском правительстве. Все трое сделали головокружительную карьеру. Зюганов и Тулеев тоже сдались за несколько дней до штурма, причем Зюганов даже призвал своих сторонников не поддаваться на провокации и не участвовать в октябрьских событиях.

2/2 Защитники Белого дома

Защитникам Верховного Совета тем временем раздали оружие. Ходили слухи, что вот-вот начнется штурм здания, все были на взводе. 23 сентября пролилась первая кровь. Группа сторонников парламента под руководством главы «Союза офицеров» Терехова попыталась захватить штаб Объединенных вооруженных сил СНГ. В результате перестрелки случайной пулей была убита пенсионерка, наблюдавшая за стычкой

из окна, погиб милиционер. Терехов потом говорил, что, по его сведениям, в этот день должен был начаться штурм, и безлюдный штаб штурмовали, чтобы отвлечь внимание. Ну а дальше откуда-то появились милиционеры, в которых выстрелил один из членов группы — сам Терехов видел его впервые и взял с собой по рекомендации ВС. Глупость или сознательная провокация Терехова дала Ельцину все козыри. Теперь президент мог усилить давление на ВС, чьи «вооруженные банды» «стреляли в москвичей». Поэтому 24 сентября защитникам выдвинули ультиматум: либо они расходятся и освобождают здание, либо начинается штурм. На размышления им дали сутки. Инцидент помимо всего прочего позволял Лужкову усилить городскую милицию несколькими тысячами ВВшников. Здание парламента было полностью оцеплено, внутрь никого не пускали, а кроме того отключили воду и отопление.

Депутаты Верховного Совета в Белом доме, где отключили свет и воду

Верховный Совет продолжал штамповать постановления о неконституционности действий Ельцина, о его отстранении и о том, что президент пытается совершить попытку государственного переворота. Потом назначили новые перевыборы парламента и президента, однако никакой фактической силы все эти постановления не имели. Тем временем министерство юстиции выразило официальную позицию президента, выпустив пресс-релиз:

«Президент вынужден был разрубить „гордиев узел“ губительного противостояния. Превысив по форме свои полномочия, он употребил это нарушение не для узурпации власти (выборы Президента РФ назначены

на 12 июня), а для защиты воли народа. Он расчистил путь для обновления механизма власти, для принятия правового порядка в России».

Что замечательно, никаких выборов 12 июня в итоге не было.

Кроме того, Хасбулатов позднее утверждал, что Ельцин через депутата Кожокина предлагал ему бежать из страны в обмен на вознаграждение в размере 10 млн долларов. Проверить эти утверждения по понятным причинам невозможно — если переговоры и были, то конфиденциальные.

Следующий день, 25 сентября, прошел относительно тихо. К вечеру президентский ультиматум истек, все ждали штурма. Силы были явно неравны. Парламент охранял так называемый «мотострелковый полк» — 150 человек добровольцев, лишь часть из которых имели военный опыт, около ста штурмовиков РНЕ (далеко не все с оружием) и около сотни казаков. Остальные защитники Белого дома (около полутора тысяч человек) в основном состояли из безоружной молодежи, пришедшей потусоваться и поучаствовать в историческом событии.

Лужков тоже не сидел сложа руки и активно участвовал в конфликте на стороне Ельцина. Московское правительство распространило призыв собраться у мэрии 26 сентября:

«По полученной оперативной информации, группа лиц, находящаяся в Белом доме, которую возглавляют причастные к кровавому преступлению на Ленинградском проспекте 23 сентября генералы Макашов и Ачалов, готовит очередную провокацию. Вновь раздается огнестрельное оружие психически неуравновешенным и имеющим судимости людям с целью захвата комплекса зданий мэрии Москвы, а также заложников из числа гражданского населения».

Чтобы отколоть от защитников Верховного Совета их потенциальных сторонников, Ельцин издает популистский указ о пособиях на хлеб малообеспеченным гражданам. Администрация президента выпустила для телевизионщиков специальную инструкцию:

«Организовать выступление по телевидению бывших народных депутатов с нелицеприятной оценкой действий руководства бывшего Верховного Совета, несущих полную ответственность за действия террористов. ... Постепенно гасить интерес телезрителей к событиям у Белого дома. У широкой публики должно создаться впечатление об обитателях Белого дома, как людях, оставшихся в отцепленном вагоне ушедшего поезда. ...

Трансформировать образ Руслана Хасбулатова в образ Сажи Умалатовой».

Вышла отдельная рекомендация для правительства:

«Правительству РФ и мэрии Москвы не следует в ближайшие дни принимать непопулярные решения — такие, как увеличение платы за проезд в московском метро, заявление Гайдара об отмене льготного кредитования и т. д.»

Ночью 26 сентября защитников Белого дома подняли по тревоге, началась экстренная раздача противогазов — штурма ждали с минуты на минуту. Руцкой по автономной радиостанции вышел в эфир и призвал москвичей собраться у здания для защиты закона и конституции.

Митинг в поддержку Ельцина у здания Моссовета в Москве, 26 сентября 1993 года

Однако штурм не последовало. Было усилено оцепление возле здания, его расширили на прилегающие кварталы. Никого, кроме местных жителей, за оцепление не пускали. В тот же день к защитникам парламента смогли пробраться 12 стройбатовцев из Люберец — они на свой страх и риск бежали из части.

Тем временем глава Конституционного суда выступил с единственно возможным компромиссным вариантом — провести одновременные перевыборы Верховного Совета и президента. Ельцин наотрез отказался. Кроме того, перебежчик из ВС Сергей Степашин встретился с Руцким и передал ему предложение Ельцина: подчиниться указам в обмен на прощение.

Уличные баррикады, 28 сентября 1993 года

27 сентября штурм вновь не случилось, однако московская милиция по распоряжению Лужкова полностью перекрыла доступ в здание парламента. До сих пор туда пропускали депутатов, но теперь перестали — зато выходить можно было свободно.

На следующий день, узнав, что внутрь попасть уже нельзя, сторонники ВС начали собираться в толпы возле оцепления и устраивать стихийные манифестации, которые порой заканчивались стычками с милицией. В ответ близлежащие улицы перегородили грузовиками и колючей проволокой. На тех, кто остался внутри оцепления, начали отрабатывать приемы психологического воздействия: подогнали автомобиль с мощной звуковой системой и с утра и до самой ночи на полную громкость врубали песню Газманова «Путана» вперемешку с указами Ельцина.

В Дом Советов прибыл Кобзон с мандатом от Лужкова. Он пытался убедить Руцкого прекратить сопротивление и одновременно запугивал его немислимыми карами. У Руцкого стали сдавать нервы. В интервью зарубежным журналистам, которые едва ли не единственные имели доступ в ВС, он даже откровенно признался, что хотел бы спрятаться в каком-нибудь иностранном посольстве — боялся, что убьют.

Весь день 29 сентября продолжают столкновения между милицией и сторонниками Верховного Совета — за пределами оцепления, где возникают стихийные митинги и манифестации в поддержку парламента. Патриарх Алексий выступает с призывом к миру, просит обе стороны воздержаться от насильственных действий и перейти к диалогу. Он предлагает стать посредником между сторонами во имя мира и согласия. Ночью 30 сентября к оцеплению подъехали несколько БТРов. Снова ждали штурма, но он не начинался. Баркашовцы вышвырнули из здания советника Хасбулатова Кургиняна (да, того самого). За пределами оцепления продолжались столкновения

между милицией и протестующими, причем порой избивали вообще случайных прохожих. Центр города был наводнен вооруженной и злой милицией (некоторых вызвали из регионов), вынужденной сутками стоять под дождем в бронежилетах и полном обмундировании. Милиционеры зверели, не понимая, зачем их держат на холоде. Вполне возможно, что многие в глубине души были либо согласны с Руцким, либо не согласны ни с кем и просто вымещали злобу на всех, кто подворачивался под руку.

БТР у здания парламента

Ночью 1 октября состоялись переговоры между сторонами. От ВС в них принял участие нынешний глава Дагестана Рамазан Абдулатипов — в тот момент он был одним из самых умеренных и склонных к компромиссу лидеров парламента. Абдулатипов пообещал, что все оружие будет сдано на склады под контролем представителей ВС и президентской власти. Взамен в здании парламента пообещали включить свет, воду и отопление.

Однако позднее ВС аннулировал договоренность, заявив, что Абдулатипов превысил полномочия. Парламент хотел выторговать себе доступ к СМИ взамен на разоружение. В Свято-Даниловском монастыре при посредничестве патриарха состоялись еще одни переговоры, однако Ельцин в тот же день дезавуировал их, заявив, что даже теоретически не рассматривает никаких «нулевых вариантов». Оцепление вокруг здания парламента вновь было усилено, по всему центру столицы продолжались столкновения безоружных демонстрантов с милицией.

2 октября события развивались без изменений — сторонники парламента дрались на улицах с милиционерами, а те разгоняли манифестации в поддержку парламента. Обострения 3 октября ничего не предвещало.

День начался как обычно: шли переговоры о сдаче оружия и о компромиссах. На низовом уровне сторонники ВС все так же митинговали на улицах. Одна из манифестаций и стала катализатором, обострившим противостояние. После дежурной драки Виктор Анпилов, на тот момент лидер «Трудовой России», неожиданно увел за собой часть демонстрантов — на прорыв к Верховному Совету. Это была безумная идея, однако после того как демонстранты прорвали оцепление на Крымском мосту, толпа хлынула за авангардом Анпилова. Тем временем в Верховном Совете людей Анпилова уговаривали объяснить шефу, что обострять ситуацию не надо, но было уже поздно. Демонстранты с боями прорвались к зданию мэрии, где по ним открыли огонь уже не резиновыми пулями, а из боевого оружия. Стреляли беспорядочно, были тяжелораненые и даже погибшие, в том числе и с милицейской стороны (толпа при этом не имела огнестрельного оружия).

Прорыв не удалось остановить, и толпа покатила дальше, к оцеплению, где продолжилась беспорядочная стрельба. Было ранено несколько солдат-ВВшников, после чего их командир от возмущения заявил о переходе на сторону ВС. Однако вскоре полковник Васильев вместе с подчиненными покинул периметр, заявив, что идет за оружием, и больше не вернулся.

На звуки выстрелов выскочили РНЕшники. Они вступили в перестрелку с милицией и военными, а те начали отступать в здание мэрии. К зданию подогнали два грузовика — они протаранили центральный вход. После этого силовики бежали из мэрии, и она досталась восставшим. Во время этого эпизода был ранен в ногу журналист Влад Шурыгин (известный военкор), бравший в этот момент интервью.

Участники митинга на Октябрьской площади 3 октября 1993 года у цепи ОМОНовцев

Прорыв оцепления

Демонстранты бегут по Крымскому мосту в сторону Смоленской площади

Милиция готовится применить спецсредства

Тут же состоялся импровизированный митинг, на котором Руцкой призывал всех направляться на штурм Останкино, чтобы получить доступ к эфиру. В здание ВС отвели несколько пленных: милиционеров, военных и пару сотрудников мэрии, не успевших бежать.

Тем временем Ельцин ввел в Москве чрезвычайное положение. Сторонники ВС собрали колонну из нескольких военных грузовиков и автомобилей, и добровольцы под руководством генерала Макашова двинулись к Останкино. Туда же начали перебрасывать ВВшников.

До телецентра восставшие добрались без препятствий, но вход оказался закрыт — двери снова пришлось таранить грузовиками. От находившихся внутри журналистов потребовали пустить лидеров парламента в эфир, но пресса объяснила, что не при делах и вообще не может ничего сделать без санкции начальства (а начальство отдало негласный приказ всячески затягивать время). К зданию за это время прибыл отряд спецназа «Витязь» и бойцы дивизии Дзержинского — со снайперскими винтовками и пулемётами. Чуть позже подошёл ОМОН и ВВшники Васильева (того самого, который якобы перешёл на сторону парламента). Васильев проделал тот же самый трюк, что и в прошлый раз: ушёл «за оружием» и не вернулся.

Удивительно, но сторонники ВС ждали три часа, и только потом решили прорываться в одну из аппаратных. Здание обороняли бойцы «Витязя». Макашов требовал от них пустить восставших в эфир, угрожал отобранном у военных гранатомётом, но так и не дождался переговорщиков — вместо этого один из его охранников был выстрелом

из здания ранен в ногу, а внутри прогремели два взрыва. Обстоятельства этих взрывов не установлены до сих пор, парламентская комиссия, занимавшаяся позднее расследованием дела, пришла к выводу, что стреляли не из единственного гранатомёта сторонников ВС. Как бы то ни было, в результате взрыва погиб один из «Витязей», и спецназ открыл по толпе огонь на поражение — не разбираясь, где демонстранты, а где журналисты, прохожие или случайные зеваки. Погибло около 50 человек, около 130 были ранены.

В ответ сторонники ВС начали стрелять по телецентру. Взять его штурмом они не могли — комплекс обороняла тысяча с чем-то хорошо вооружённых бойцов. Озверевшие военные палили во всё, что движется — застрелили даже одного из сотрудников Останкино, прямо внутри здания.

Штурм телецентра в Останкино

Толпа, однако, не испугалась стрельбы и не разбежалась, а начала сливать бензин из машин в окрестностях и закидывать телецентр коктейлями Молотова. К зданию подъехали БТРы, которые задавили как минимум двух человек и тоже начали стрелять. Сторонники ВС отправили в Белый дом гонцов с просьбой прислать подкрепления. По ТВ в этот момент выступал Гайдар, призвавший сторонников Ельцина собираться возле Моссовета, чтобы отстаивать демократию. Шойгу пообещал выделить им из запасов МЧС тысячу автоматов. Самые видные человеколюбцы Российской Федерации не остались в стороне. Так, гуманист и правозащитник Сергей Ковалев заявил:

«Я всю жизнь пытался бороться за права человека, защищать достоинство личности от произвола власти. Но столь же твердо я готов защищать эти права от осатанелой толпы, которой ее преступные вожаки вручили оружие, превратив ее в острие фашистского мятежа».

Гуманистка Елена Боннэр высказалась так:

«Эту фашистскую банду надо подавить! Чем скорее, тем лучше. Сегодня к преступникам не должно быть снисхождения, так как их руки уже обгарены кровью».

Гуманистка Лия Ахеджакова выразила коллективное бессознательное советской интеллигенции вечером 3 октября, заявив по ТВ:

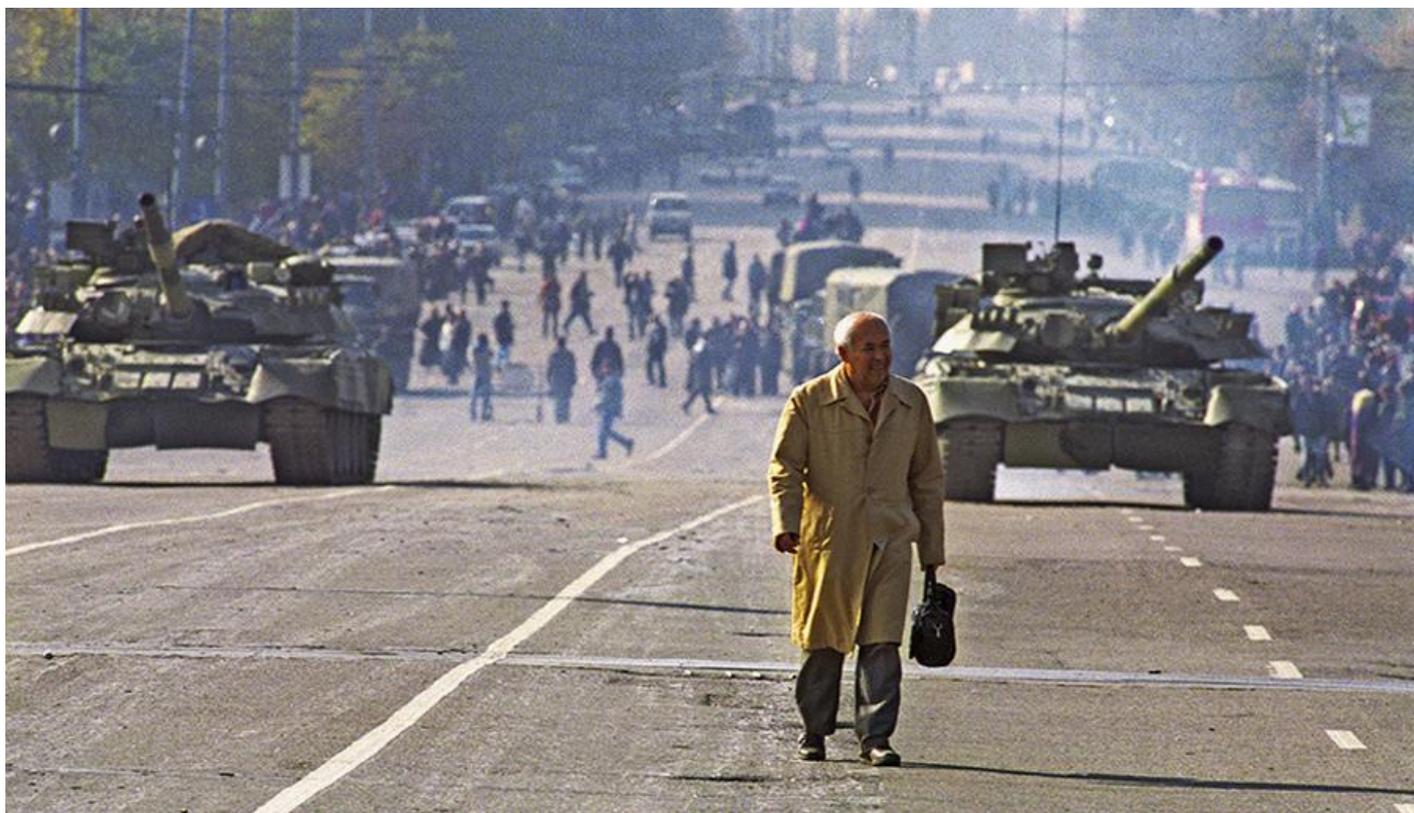
«А где наша армия?! Почему она нас не защищает от этой проклятой Конституции?!»

Тогда же с экранов ТВ к зрителям обратился Явлинский:

«Применить все силы правопорядка для подавления фашиствующих, экстремистских, бандитских формирований, собранных под эгидой Белого дома. Если этих сил будет недостаточно, необходимо рассмотреть вопрос об использовании регулярных вооружённых сил».

Поздним вечером 3 октября в город вошла Таманская дивизия. Около полуночи Ельцин принимает решение зачистить Белый дом. Танки должны были занять позицию напротив здания и для деморализации стрелять по верхним этажам. Зачистку парламента предполагалось возложить на «Альфу» и «Вымпел». Некоторые альфовцы заявили, что не хотят участвовать в этом без гарантий — Ельцин на встрече с командованием предоставил все нужные гарантии, заверив, что никакой ответственности бойцы не понесут.

Утром БТРы начали сметать баррикады. Защитники в ответ кидали в них бутылки с бензином. Штурм был подготовлен плохо, штурмующие стреляли без разбора и часто друг по другу — всё это приводило к жертвам.

Танки на Новоарбатском мосту утром 4 октября

Армейское оцепление вокруг здания Белого дома

Танки стреляют по зданию

Переноска раненого у Белого дома

Обстрел длился все утро. Финальную зачистку должны были провести альфовцы и вымпеловцы, но «Вымпел» отказался выполнять приказ. Альфовцы же попытались убедить оставшихся защитников ВС сдаться под гарантии безопасности. На деле получилось, что они солгали — сдавшихся арестовывали, а не вывозили до метро, как было обещано. Многих избили.

Значительная часть погибших — жертвы неизвестных снайперов, стрелявших как в силовиков, так и в гражданских. Кто они и откуда, не удалось выяснить даже комиссии по расследованию — она пришла к выводу, что это, вероятно, были штатные снайперы неких подразделений МВД и Минобороны.

Ельцин выиграл. Первым делом он снял со своих постов всех не поддержавших его чиновников, включая генпрокурора и главу Конституционного суда, которого почти насильно вынудили уйти в отставку.

5 октября в «Известиях» было опубликовано знаменитое письмо 42-х, звездный час советской интеллигенции. Оно было написано в лучших сталинских традициях:

«Нет ни желания, ни необходимости подробно комментировать то, что случилось в Москве 3 октября. Произошло то, что не могло не произойти из-за наших с вами беспечности и глупости, — фашисты взяли за оружие, пытаясь захватить власть. Слава Богу, армия и правоохранные органы оказались с народом, не раскололись, не позволили перерасти

кровавой авантюре в гибельную гражданскую войну, ну а если бы вдруг?.. Нам некого было бы винить, кроме самих себя. Мы „жалостливо“ умоляли после августовского путча не „мстить“, не „наказывать“, не „запрещать“, не „закрывать“, не „заниматься поисками ведьм“. Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми. Добрыми... К кому? К убийцам? Терпимыми... К чему? К фашизму?

И „ведьмы“, а вернее — красно-коричневые оборотни, наглея от безнаказанности, оклеивали на глазах милиции стены своими ядовитыми листками, грязно оскорбляя народ, государство, его законных руководителей, сладострастно объясняя, как именно они будут всех нас вешать... Что тут говорить? Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии?»

Под этим подписался почти весь цвет советской интеллигенции.

Жертвами противостояния ВС и президента стали 158 человек, из них 26 силовиков. Большая часть военных и милиционеров погибла 4 октября — перестреляв друг друга во время отвратительно организованного штурма, в котором с разных сторон принимали участие милиционеры, армейские и «афганцы». Со стороны гражданских гибли в основном не защитники ВС, а зеваки, пришедшие посмотреть на зрелище. 423 человека получили ранения или были избиты. Защитники парламента позднее заявляли, что на самом деле погибших значительно больше — по Москве ходили слухи о секретных моргах, куда якобы свозили трупы.

Ельцин после своей победы установил вполне авторитарный режим. Парламента не было, Конституционный суд был распущен. Победители легко продавили принятие суперпрезидентской конституции, по которой парламент становился жалким и ни на что не способным придатком исполнительной власти.

Лидеры ВС были арестованы, но в феврале следующего года их амнистировали. Ельцин хотел избежать расследования, которое могло выявить весьма неблагоприятные факты — выгоднее было замять дело, а не разбираться, кто здесь на самом деле мятежник и организатор государственного переворота.

Первые окруженцы покидают Белый дом после обстрела

Разоруженные милиционеры из охраны здания

Альфовцы выводят задержанного Руцкого

Противостояние двух ветвей власти было predeterminedено форс-мажорными обстоятельствами демонтажа советской системы — возникли две равносильные ветви власти, каждая из которых считала себя главной. В этой истории всего три ключевых эпизода:

- 1) Антиконтституционный ельцинский указ о роспуске ВС, который перевел конфликт из кулуарно-политического в уличное противостояние.
 - 2) Провокационная вылазка Терехова, приведшая к случайным жертвам. Она позволила ельцинским СМИ навесить на защитников ВС ярлык «психически больных с оружием», «экстремистов, психопатов, террористов, путчистов, мятежников и коммуно-фашистов», что, безусловно, повредило делу.
 - 3) Провокационные действия Анпилова, увлекшего толпу на прорыв оцепления вокруг ВС, что резко обострило конфликт и перевело его на принципиально другой уровень насилия. Защитники ВС не имели в этом раскладе ни единого шанса на успех — их оказалось слишком мало, а все силовики остались лояльны Ельцину. У парламента не было ни оружия, ни доступа к СМИ, ни симпатий мировой общественности, готовой ради управляемого и послушного Ельцина закрыть глаза на что угодно.
- Победа Ельцина определила судьбу России на долгие годы вперед. РФ стала суперпрезидентской республикой с авторитарной властью. Разделения ветвей власти не получилось, а значит не получилось и сколько-нибудь правдоподобной демократии. Начав жертвовать демократическими институтами и принципами с первого дня своего существования, дальше российская власть уже не останавливалась. И каждый раз у нее

находились основания для нечестной игры: то красно-коричневая угроза, то коммунистический реванш, то цветные революции, то агрессивный блок НАТО. Противостояние Верховного Совета и президента легко разрешалось без крови и уличных боёв — Ельцин и Руцкой с Хасбулатовым конфликтовали не ради идеи или идеологии, а по поводу разделения власти в будущей России, только и всего. ВС хотел перетянуть одеяло на сторону парламента, Ельцин — на свою. Никакой красно-коричневой угрозы не существовало, ее придумали по ходу дела. Парламент объединял очень разные по своему характеру силы. Никаких безумных сталинистов или радикальных фашистов там не было, зато было множество вполне умеренных депутатов, близких по своим взглядам к центристам. Баркашов, превратившийся в пугало, вообще появился у здания уже после того, как началась осада, и привёл всего 100 с чем-то бойцов — капля в море защитников Белого дома. Среди сторонников ВС были самые разные люди: пенсионеры, лишившиеся накоплений из-за либерализации цен, анархисты, левые, правые, монархисты, просто тусовщики из молодежи. Ситуация разрешалась очень просто. Достаточно было согласиться на нулевой вариант: пере выборы парламента и президента. Но Ельцин не мог на это пойти — не позволяли гордость, упрямство и жажда власти. Президент опасался, что не сможет продовать свой проект конституции, а ВС не хотел уступать в одностороннем порядке. Кроме того, послушный и управляемый Ельцин был выгоден США — Борису Николаевичу позволяли поиграть в плохого парня, и это до определённой степени развязывало ему руки. По закону в этой грязной истории был прав Верховный Совет. Но в уличных боях побеждает не тот, кто прав, а тот, у кого есть винтовка.

Читайте ещё больше платных статей бесплатно: <https://t.me/nopaywall>